

М. А. ПОЛЯКОВСКАЯ

ОСВЕЩЕНИЕ ФЕССАЛОНИКИЙСКОГО ВОССТАНИЯ 1345 г. В ПАМЯТНИКЕ РИТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

События зилотского движения в Фессалонике уже много десятилетий привлекают внимание исследователей. По сочинениям Иоанна Кантакузина и Никифора Григоры восстановлены этапы движения и отдельные детали, характеризующие его. События лета 1345 г., как известно, представляют пик движения. В ответ на попытку наместника Фессалоники великого примикирия Иоанна Апокавка изменить политическую ориентацию и попытаться договориться об установлении взаимных контактов с представителем враждебной городу семьи Кантакузинов городские низы подняли восстание против знати, усмотрев в посольстве к Мануилу акт измены. Знатные горожане вынуждены были укрыться в акрополе, что повлекло за собой активизацию действий народа. В результате захвата им цитадели большинство знатных лиц было истреблено.

Непосредственно к этим событиям относится «Монодия на павших в Фессалонике» Димитрия Кидониса¹. Она является, по сути дела, единственным (не считая нескольких писем) риторическим источником, отражающим августовские события 1345 г.² «Монодия...» неоднократно цитировалась исследователями³, однако это были по преимуществу одни и те же немногочисленные фрагменты из 5-й и 9-й глав сочинения. Единственный перевод полного текста «Монодии...» на современный язык — перевод, безупречно осуществленный Д. Баркером⁴.

Димитрий Кидонис (1324/25—1397/98 гг.), составивший «Монодию...», впоследствии, при дворах Иоанна VI Кантакузина и Иоанна V Палеолога, месадзон византийской империи, автор многочисленных сочинений и переводов, ко времени написания плача, где он сокрушался об участии жертв фессалоникийской резни, был еще молодым человеком, едва достигшим 20-летнего возраста. Он происходил из знатной фессалоникийской семьи, был сыном дипломата, погибшего в 1341 г. после выполнения одной из миссий. В дни, когда развернулись события августа

¹ *Demetrii Kydonis. Μονωδία ἐπὶ τοῖς ἐν Θεσσαλονίκῃ πεσοῦσι* // PG, 1863. Т. 109. Col. 639—652.

² Фонд риторических сочинений, посвященных восстанию зилотов, сократился после изменения датировки и переосмысления текста сочинения Николая Кавасилы «Об архонтах, дерзновенно злоумышляющих в отношении святых». См.: *Sevcenko I. Nicolas Cabasilas' «Anti-Zealot» Discourse: A reinterpretation* // DOP. 1957. 11. P. 91—125.

³ *Tafarli O. Thessalonique au XIV siècle. P., 1913. P. 148; 242, 248—249; Вернер Э. Народная ересь или движение за социально-политические реформы?: Проблемы революционного движения в Солуни в 1342—1349 гг. // ВВ, 1960, 17. С. 171—172; Горянов Б. Т. Поздневизантийский феодализм. М., 1962. С. 368—369; Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1963. S. 450; Лумарин Г. Г. Византия в период гражданской войны и движения зилотов (1341—1355) // История Византии. М., 1967. Т. 3. С. 147; Arnott P. The Byzantines and their World. L.; N.-Y., 1973. P. 241—245; Поляковская М. А. Понимание социальных проблем византийскими авторами середины XIV в. // ВВ, 1979, 40. С. 17—19.*

⁴ *Barker J. W. The «Monody» of Demetrius Kydones on the Zealot rising of 1345 in Thessaloniki, Μελετήματα στὴ μνήμη Βασιλείου Λαοῦρδα. Θεσ., 1975. P. 286—299.*

1345 г., Димитрия Кидониса в Фессалонике не было. Зилоты послали его с поручением вернуть своего бежавшего из города знатного родственника, предчувствовавшего неизбежность обострения обстановки. Кидонис уехал вслед за покинувшим Фессалонику дядей, но назад не вернулся. Он отправился в Веррию⁵, резиденцию наместника Мануила, сына Иоанна Кантакузина, покровительствовавшего семье Кидонисов. Прибытие Димитрия Кидониса в Веррию датируется примерно весной 1345 г.⁶ За невыполнение Кидонисом их воли зилоты разграбили дом его родителей. Оставшиеся в живых родственники Димитрия спаслись, сумев захватить с собой лишь самое необходимое из имущества⁷. Когда ситуация в Фессалонике изменилась на короткий срок в пользу Иоанна Кантакузина⁸, Димитрий Кидонис все же не смог вернуться в родной город. Не исключена возможность, что в Веррии он встретился с участниками фессалоникийского посольства, в составе которого находился его давний друг Николай Кавасила⁹. Как уже сказано, взрыв народного негодования в Фессалонике в августе 1345 г. непосредственно и был вызван отправкой посольства к сыну Иоанна Кантакузина.

В связи с этим восстанием Димитрий Кидонис, проживая в Веррии, написал «Монодию на павших в Фессалонике». Это одно из первых его сочинений. Датой написания «Монодии. . .» считается примерно сентябрь 1345 г.¹⁰ «Монодия. . .» была прочитана на траурной процессии в Веррии¹¹. Она адресовалась не столько веррийцам, сколько землякам Кидониса, находившимся в эмиграции, в том числе и в Веррии. Об этом свидетельствует открывающее «Монодию. . .» обращение автора: «Люди, избежавшие рук сородичей!»

Μονωδία — литературное сочинение риторического жанра, выдержанное в духе траурной оды¹². Монодии составлялись именно в таком ключе еще со времен Аристофана¹³. «Монодия на павших в Фессалонике» Димитрия Кидониса в композиционном плане идеально соответствует давно сложившимся литературным традициям. Открывает сочинение короткий прооимий («Сколько я ни смотрю вокруг, я не могу, как подобает, описать город, в котором мы это пережили»). Как это было принято, собственно плачу в «Монодии. . .» Кидониса предшествует энкомий — хвалебная ода Фессалонике (гл. 2—4). Включение энкомия призвано было создать ощущение контрастности по отношению к оплакиваемым событиям.

Входящий в «Монодию. . .» Кидониса энкомий по содержанию разделяется на три части. Первая из них построена в соответствии с канонам энкомиев городу¹⁴. Предметом восхваления является его местоположение: Кидонис рисует последнее самым красивым и благоприятным. Городские стены, согласно распространенной литературной традиции, сравниваются в «Монодии. . .» со стенами древнего Вавилона. Особые слова восхищения энкомиаста вызывает фессалоникийская гавань — по

⁵ *Démétrios Cydonès. Correspondance // Studi e Testi*, 186. Vatic., 1956. T. 1, N 6.32, 17.42; *Demetrios Kydones. Briefe / Übersetzt und erläutert von Fr. Tinnefeld. Teil 1, Halbband 1 // Bibliothek der griechischen Literatur. Stuttgart*, 1981. Bd. 12, N 7, 6.

⁶ *Tinnefeld F. Einleitung // Demetrios Kydones. Briefe. S. 9.*

⁷ *Cammelli G. Demetrios Cydonii orationes tres, adhuc ineditae // BNJb. 1922. Bd. 3. P. 73.8—19; Loenertz R.-J. Démétrios Cydonès I. De la naissance à l'année 1373 // OCP. 1970. Vol. 36, fasc. 1. P. 50.*

⁸ *Loenertz R.-J. Note sur une lettre de Démétrios Cydonès à Jean Cantacuzène // BZ, 1951. Bd. 44. P. 405—408.*

⁹ *Ioannes Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri IV / Ed. L. Schopen. Bonnae, 1831. L. III, vol. II. P. 574.6; Поляковская М. А. Политические идеалы византийской интеллигенции середины XIV в. (Николай Кавасила) // АДСВ, 1975. Вып. 12. С. 106—107.*

¹⁰ *Tinnefeld F. Einleitung... 1.3.1.*

¹¹ *Loenertz R.-J. Démétrios Cydonès. Fasc. 1. P. 50; Tinnefeld F. Einleitung... S. 9.*

¹² *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1979. Bd. 1. S. 132—145.*

¹³ *Hadzis D. Was bedeutet «Monodie» in der byzantinischen Literatur? // Byzantinische Beiträge. B.: Akademie-Verlag, 1964. S. 179.*

¹⁴ *Fenster E. Laudes Constantinopolitanae // Miscellanea Byzantina monacensia. München, 1968. S. 9.*

словам автора, величайшая из всех существующих. Он восхваляет ее и как рынок, встречающий гостей со всех концов земли, и как крепость, которая «обеспечивает надежнейшую защиту и, охватывая город словно руками, кажется, стремится с ним слиться» (гл. 2, 641 C—D). Кидонисом прославляются богатства города, якобы превосходящие доходы Египта. Этот мотив энкомиаст заканчивает обобщающей похвалой: «Таким образом, жизнь здесь была такой, словно соединила (в себе) все (лучшее)».

Следующий тезис энкомия, включенного в «Монодию. . .», посвящен благочестию города. Количество храмов, многочисленность религиозных процессий, продолжительность панихид, число молящихся в церквях — все эти данные приводятся в качестве доказательства высокого религиозного настроения горожан. Димитрий Кидонис отмечает их особую духовную «доверительность»: прихожане обращаются к богу с самыми сокровенными мыслями. Красота множества храмов, подобных которым он, Кидонис, не ведает, в сочетании с великолепием служб, мастерством певцов, боголюбивой настроенностью жителей вызывает у писателя ощущение совершенства: «. . . и во всем, словно в музыке, гармоничность и стройность» (гл. 3, 641 D). Покровитель города св. Димитрий¹⁵ характеризуется энкомиастом как «спаситель города, примиритель горожан и защитник перед богом» (гл. 3, 644 A), который «определяет управление добрыми правителями, снижающими городу налоги», «сражается с внешними врагами, внушая ужас осмеливающимся поднять оружие против города» (Там же). Кидонис завершает восхваление религиозности горожан словами: «Таким образом, можно сказать, что город служил всем примером благочестия».

Особая тема энкомия — прославление Фессалоники в качестве центра образованности, где собирались известные риторы, философы и ученые, преуспевающие в различных науках (гл. 4). Димитрий Кидонис подчеркивает характерные в этом отношении для Фессалоники традиции: «во все времена город был Геликоном. . .» Воспевая царящую в Фессалонике атмосферу высоких духовных устремлений, энкомиаст сравнивает ее с той, которая существовала в Афинах времен Демосфена и Платона.

В соответствии с литературными канонами всякая монодия должна была завершаться утешительным пассажем, называемым иногда *παράκλησις* или *πρόσπεσις*¹⁶. У Димитрия Кидониса, отразившего первые впечатления аристократа, связанные с гибелью близких ему по положению земляков, не находится слов утешения. Данью традиции можно считать лишь сдержанное по тону выражение в последней главе «Монодии. . .»: «Теперь нам следует лишь просить Бога, чтобы он распростер свою руку и снова населил город» (гл. 11, 652 D).

Основную часть «Монодии. . .» (т. е. исключая энкомий) можно разделить на собственно *ῥῆγος* и на рассказ о событиях, изложенных в стиле, свойственном произведениям данного жанра.

Элементы треноса разбросаны по различным главам (конец гл. 5, начало гл. 6 и 9, вся гл. 10, большая часть гл. 11). В соответствии с традиционным характером плачей сетования автора «Монодии. . .» выражаются через посредство большого количества восклицательных предложений и следующих один за другим риторических вопросов, воссоздающих мелодический рисунок рыдания: «О город, вместо того чтобы быть единым, распавшийся на части, каждая из которых враждебна другим! О гражданственность, ненадежнее всякого моря! О граждане, более вероломные, чем варвары по природе! . . . О поправное здравомыслие! О заблуждающееся безрассудство! . . . С какой трагедией это можно сравнить, с какими бедствиями городов? Какие поэты смогут сочинить строки, соответствующие этим бедам? И все видящее солнце, видело ли

¹⁵ Имя св. Димитрия в «Монодии...» не упомянуто, однако Д. Баркер прав, когда предлагает подобное понимание соответствующих мест текста. См.: *Barker J. W. The «Monody. . .»* P. 293.

¹⁶ *Hadzis D. Was bedeutet «Monodie» . . .* S. 182.

ты прежде подобное? Почему же ты посылаешь лучи, когда всё отвратительнее ночи? . . . О те, для которых родина одновременно и могила! О те, кого подхватывает и поглощает, словно волной в бурю! О родина, исказившая даже имена тех, на кого она поднялась более вероломно, чем Сцилла! О кровь граждан, так несправедливо пролитая на родной земле! О город, более горький, чем весь Стикс! . . . О всеобщее крушение!» (гл. 5, 645 С; гл. 6, 645 D; гл. 9, 649 В; гл. 10, 651 А).

Согласно требованиям жанра, монодия не несет какой-либо конкретной информации о событии, рассматриваемом как уже известное¹⁷. В ней отсутствуют имена и факты. Описание, имеющее эмоциональный характер, содержит лишь намек на события. «Монодия. . .» Димитрия Кидониса не столько отражает сами события 1345 г., сколько впечатление, которое они оказали на одного из современников. Однако не приходится абсолютизировать отсутствие информативности в анализируемом сочинении. Внимательное чтение «Монодии. . .» позволяет выявить описываемые в ней реальные события и их оценку.

Пятая глава содержит аллюзию, которая вполне доступна интерпретации. Кидонис называет человека «более могущественного, чем Геракл, более благоразумного, чем Пелей, более рассудительного, чем Фемистокл, подражающего в делах управления Киру» (644 D). Автор явно проявляет свое одобрение его действиям, полагая, что сама судьба предопределила присутствие этого правителя в бунтующем городе, дабы он «позаботился о погибающих». В то же время Кидонис отмечает, что «он был суровым законодателем по отношению к тем, кто не осознал (значение) спокойствия, и те, кто считал это невыгодным для себя, были недовольны его властью» (Там же). Несомненно, речь идет о правительственном наместнике Иоанне Апокавке, который после убийства Михаила Палеолога сосредоточил в своих руках всю власть в городе¹⁸. Димитрий Кидонис признает необходимость организованных Иоанном переговоров с сыном Иоанна Кантакузина Мануилом: «В это время к сыну императора, скромному, мягкому и благоразумному человеку, были посланы люди с просьбой о войске для того, чтобы удержать город, взъярившийся сам на себя, для охраны [их] интересов, которые только он был способен спасти» (644 D—645 А). По тексту «Монодии. . .» заметно, что Димитрий Кидонис одобрял действия Иоанна Апокавка, ибо, как полагал автор, только помощь наместника Веррии могла бы предотвратить восстание: «Следовало тогда судьбе хотя бы ненадолго сохранить мир и не препятствовать войнам, несущим свободу. Тогда сейчас наш город вместо того, чтобы стенать, предавался бы празднеству. . . Это было бы справедливо по отношению к людям, и блага золотого века пришли бы к нам» (645 А). Кидонис горько сокрушается о том, что Фессалоника оказалась в состоянии ожесточенной внутренней борьбы прежде, «чем знамена показались перед воротами города».

Текст «Монодии. . .» ясно свидетельствует, что Димитрию Кидонису были знакомы все обстоятельства событий в Фессалонике. Он не только сокрушался по поводу происшедшего. Наряду с пассажами, свойственными плачу, в сочинении налицо элементы едва ли не последовательного описания событий. Видимо, Кидонис был неплохо осведомлен о них каким-либо очевидцем.

Первые сведения о начавшемся восстании в «Монодии. . .» — сведения о публичных выступлениях на улицах. Простой народ, по словам автора, «был поощрен дурными ораторами к злым действиям» (гл. 5, 645 В). Вероятно, здесь имеются в виду обращенные к жителям прибрежного района речи вождя зилотов Андрея Палеолога и его сторонников¹⁹. Реакция на призывы была бурной: народ «бушевал, как, по описанию Гомера, бушует море, взволнованное противоположными ветрами. С тех

¹⁷ Ibid. S. 182.

¹⁸ Barker J. W. The «Monody»... P. 291.

¹⁹ Cant. III, 94, vol. II. P. 576. 1—3.

пор не было никакого закона, даже первого встречного убивали. . .» (Там же). Примерно в тех же красках описана ситуация, предшествовавшая восстанию, Кантакузином: «Ропот и шум раздавались во всем городе. . . Возле моря видны были многочисленные факелы. Слышен был ужасный шум и смутный ропот»²⁰. Быть может, наблюдающаяся у обоих авторов ассоциативная близость описываемого с состоянием моря накануне бури определяется тем, что восстание началось именно в приморских кварталах.

Как известно, Иоанн Апокавк со своими сторонниками удалился в цитадель вслед за отказавшимся защищать знать гарнизоном²¹. Ярость восставших обратилась против собравшихся здесь представителей правящей верхушки города. Димитрий Кидонис пишет: «. . .через трупы добрались и до архонтов» (Там же).

Поджогом ворот крепости было закрыто сообщение между городом и цитаделью²²: «Затем, — читаем в „Монодии. . .“, — подожгли ворота, и дым не давал войти внутрь находящимся снаружи. . .» (Там же). Воины гарнизона, до этого не принимавшие участия в борьбе между знатью и народными массами, в момент активизации действий последних перешли на их сторону²³. По словам Кидониса, «те, кто находился внутри, открыли ворота человекоубийцам. . . Первым был схвачен. . . тот, кто опытно управлял во многих делах многими людьми. . .», т. е. Иоанн Апокавк.

Далее в «Монодии. . .» следуют пространные описания преследований его сторонников, арестов знати: «. . .связав их, подвергали заточению, не разрешая им пользоваться и лучами света» (гл. 5, 645 С). Кидонис как бы вспоминает о попытках знатных лиц скрыться от преследователей на кладбище или в колодце. Друг Димитрия Кидониса Николай Кавасила был как раз одним из тех, кому удалось избежать расправы, спрятавшихся в колодце акрополя²⁴. Несомненно, это было известно Кидонису, что явствует из его более позднего письма²⁵.

Глава 7 «Монодии. . .» — своеобразная преамбула к изложению тех событий, которые в исследованиях называются обычно августовской резней 1345 г. Как того требовали каноны жанра, автор постепенно словно нагнетает ощущение надвигающейся беды, ее предчувствия: «По сравнению с прежними злодеяниями предстояли еще более нечестивые. И преобладанием ужасного предыдущие злодеяния затмеваются последующими. Какую большую месть можно найти столь выдающимся людям, чем темница, или раны от ударов кнутом, или оковы. . .?» (гл. 7, 648 С). Пленников стали выводить раздетыми, в одних нижних одеяниях. Кидонис заключает главу словами: «Итак, их вели туда, где они должны были принять кровавые муки» (Там же, 648 D).

Эмоциональным апогеем «Монодии. . .» Димитрия Кидониса служат главы 8 и 9, где описаны завершающие события августа 1345 г.²⁶ — расправа со знатью у городской стены, отделявшей акрополь от города. Речь идет, по всей вероятности, о так называемой поперечной стене: с нее были сброшены представители знати, укрывшиеся в акрополе, в первую очередь Иоанн Апокавк. Кидонисом весьма выразительно рассказано, как знатных людей насильно тащили к крепостной стене, сбрасывали их вниз и затем жестоко добивали упавших. Эти фрагменты «Монодии. . .» часто цитируются в исторических исследованиях о восстании зилотов.

Хотя Димитрий Кидонис и считает восстание 1345 г. самоубийственным, когда город, по его выражению, воевал сам с собой и сам себя нака-

²⁰ Ibid. P. 577. 7—11.

²¹ Ibid. P. 578.9—579.1.

²² Ibid. P. 579.7—9.

²³ Ibid. P. 7—13.

²⁴ Angelopoulos A. A. Νικόλαος Καβάσιλας Χαμαστός. Ἡ ζωὴ καὶ ἔργον αὐτοῦ. Θεσ., 1970. P. 41; Поляковская М. А. Политические идеалы византийской интеллигенции. . . С. 107.

²⁵ Démétrius Cydonès. Correspondance, Vol. 1, N 87, 11—13.

²⁶ Cant. P. 580; Schreiner P. Die byzantinischen Kleinchronicon // Corpus fontium historiae byzantinae. Vol. XII/1. Chronik 49.5. P. 351.

зал (гл. 5, 645 А; гл. 10, 651 А), хотя и говорит он постоянно о родственной общности горожан (гл. 1, 640 А; гл. 5, 644 С; гл. 10, 650 D), тем не менее им довольно четко выявлены силы, противостоявшие друг другу в событиях августа 1345 г.

Вполне естественно, что Кидонис проявляет очевидные симпатии к знати. Среди пострадавших в ходе восстания он называет прежде всего «выдающихся людей» (гл. 7, 648 С), доблесть которых воспекает (гл. 2, 641 А). Именно этим людям, с его точки зрения, обязана была Фессалоника своим положением центра образованности и благочестия (Там же); это они не раз сражались за свою свободу и свободу города (гл. 7, 648 С). Среди жертв событий писатель называет архонтов, а также того, «кто много раз защищал родину на свои собственные средства» (гл. 7, 648 D), «человека, способного на свои личные средства содержать войско» (гл. 5, 645 D). Как бы подводя итоги рассказу о восстании, Кидонис сетует, что «уже не будет того, кто мог бы посоветовать, что делать» (гл. 10, 652 А). Вполне вероятно, что под этим человеком он подразумевал Иоанна Апокавка или кого-то из близкого ему окружения.

Людей, поднявших руку против знати, автор «Монодии. . .» именует рабами (гл. 5, 645 С). К числу восставших им отнесены «нищий и те, кто стал преступником вследствие [собственной] лени» (гл. 7, 648 D), «рабы и бедняки» (гл. 5, 645 С), те, кто еще вчера экономил последний обол (гл. 6, 648 А). Кидонису представляется противоестественной ситуация, когда «рабы и бедняки стали господами», а «раб не признавал более своего господина» (гл. 5, 645 С). Состояние же зависимости перечисленных категорий населения от знати — это, в его глазах, вещь вполне справедливая (Там же).

Давая характеристику восставшим, Димитрий Кидонис, с одной стороны, говорит о бессмысленной по жестокости действий толпе, а с другой — намекает на наличие чьего-то руководства бунтующим народом: восставшие «безумствовали и падали ниц перед правителями, не лучшими в отношении государственных дел, чем тираны» (гл. 5, 644 С). Вполне возможно, что в этих словах скрыт намек на вождей зилотов.

Автор «Монодии. . .» задается и вопросом о причинах трагических для фессалоникийской знати событий августа 1345 г., но, конечно, в чисто риторической форме: «Откуда в мир проник раздор? Откуда пришел мятеж? Почему жители города, не уважая того, что полезно каждому, ссорясь, пожирали друг друга, кровью ближних запятнали родину, которая, как они благоразумно считали, должна быть для них выше, чем родители?» (Там же). Сам он расценивает положение города до начала восстания идеальным. Представление о полном благополучии в городе господствует и в предшествующем плаче энкомии Фессалоники. Взрыв борьбы Кидонис объясняет, как это было принято в средневековой литературе, вмешательством дьявола (гл. 5, 645 А). Наряду с этим настойчиво проводится мысль о склонности толпы к жестокостям. Простой народ жаждал крови (*καὶ τὸν δῆμον αἵματος πάλα διψῶντα* — гл. 5, 645 А—В), будучи жесток по природе (гл. 2, 641 А), — вот почему, с точки зрения автора, возникло восстание.

Говоря об итогах описываемых событий, Димитрий Кидонис полагает, что с истреблением фессалоникийской знати город, по сути дела, прекратил существование. Писатель неоднократно возвращается к мысли о том, что события 1345 г. ускоряют порабощение родной земли врагами. Только внутреннее единение в городе, подчеркивает он, могло спасти город от натиска внешнего врага (гл. 5, 645 А). Сравнение восставших с пиратами («они настоящие пираты на суше, даже, пожалуй, хуже их, ибо те лишь отбирали собственность, но не липали жизни. . .» — гл. 5, 645 С—D), возможно, также навеяно тревогой в связи с нависшей над городом постоянной опасностью извне²⁷. Результат восстания, по мнению

²⁷ Иная интерпретация этого фрагмента предложена Д. Баркером: сопоставление восставших с пиратами понимается им как намек на участие моряков в зилотском движении. См.: *Barker J. W. The «Monody»... P. 296, n. 13.*

писателя, в том, что «не стало никого, кто был бы способен отразить врагов. . . Теперь враги продвинулись вперед. . . город будет принадлежать победителям» (гл. 10, 652 А—В).

В целом «Монодия на павших в Фессалонике» Димитрия Кидониса представляет собой ценный исторический источник, свидетельствами которого не приходится пренебрегать при изучении движения зилотов в Фессалонике. Будучи памятником общественной мысли времени сложной социальной ситуации в стране, «Монодия. . .» дает возможность исследователям для поисков вариантов интерпретации отдельных ее пассажей в целях уточнения или проверки данных об известных событиях 1345 г., а также для определения позиций господствующего класса. «Монодия. . .» Димитрия Кидониса свидетельствует, насколько близка была высокая риторика к социальным проблемам поздневизантийского общества.

Димитрий Кидонис

Монодия на павших в Фессалонике

1. Люди, избежавшие рук сородичей! Сколько я ни смотрю вокруг, я не могу, как подобает, описать город, в котором мы это пережили. Стены города стоят, но внутри сооружен трофей победы над гражданами — и это вынуждает назвать его, как и беженцы называют обезлюдевший город, худшим, чем Стикс и Кокит или земля варваров.

2. О все обнаруживающее и все скрывающее время! О несчастье, превзошедшее все исторические описания и все стихи! О молва, вынуждающая к молчанию всех пишущих повествования и сочиняющих монодии! Хвалить ли нам тех, кто решением судьбы жил в этом месте? Но ведь здесь мы видим и убийц, и тех, кто жесток по природе, кто вел войну против города. Или, может быть, нам проклясть город и объявить его преступным? Но ведь доблесть павших доказывает, что город достоин любой похвалы и молитвы. Кто же очернил доброе имя города? Кто не оберегал его до конца от всех [опасностей]? Кто пренебрегал тем, чтобы считать для себя вопросом чести его мудрость и человеколюбие? Кто смешал главное и второстепенное? Ибо кто до этих дней отчаяния и ужаса настолько превосходил всех других в красноречии, чтобы быть в состоянии, повествуя, сравнить город по величине с величайшим [из городов]? [Кто мог судить] о местоположении [города], самом красивом и благоприятнейшем, или об урожае плодов, превосходящем доход Египта? Или о повсюду расположенных храмах и священных местах, столь больших и многочисленных, что нигде нет подобных им ни по величине, ни по количеству. Или о рынках, встречающих [гостей] со всех [концов] земли и заставляющих собравшихся недоумевать, в каком месте они находятся. Таким образом, жизнь здесь была такой, словно соединила [в себе] все [лучшее]. Многие восхваляли другие гавани, но эта по достоинству превзошла все другие, будучи примером того, как одно и то же место является и городом, и гаванью; город не кончался на море, но там располагался другой город. И городские стены были более величественными, чем [стены] Вавилона. Гавань же, величайшая из всех, какие мы знаем, обеспечивает надежнейшую защиту и, охватывая город словно руками, кажется, стремится с ним слиться. Разве вид города не успокоил бы недоверие? Разве не излечил бы он пострадавшего? И не склонял ли он любого гостя забыть родной дом?

3. Что же касается благочестия города и его служения богу, то лучше это докажет молчащий, чем говорящий вслух. Ибо нет установленного времени для желающих отбивать поклоны, а с тех пор как храмы открыты днем и ночью, можно много времени уделять молитвам и быть спокойным в отношении того, из-за чего и пришел с просьбой. Среди остальных [проявлений] рвения и усердия [следует вспомнить] красоту жертвенных даров, многочисленность религиозных процессий, продолжительность панихид, мастерство певцов и во всем, словно в музыке, гармоничность

и стройность — все это лучше воспринимается, когда сам увидишь и испытаешь. И конечно, мы наблюдаем, что уважение к благочестию не пустяковое. ибо каждый просил для себя о самом дорогом: о снятии осады, об утолении голода, об излечении от болезней, о смерти правителей, нападающих с войском [на жителей города], о предсказании на будущее: «Лишь она (Фессалоника. — М. II.) одна будет непоколебима среди общего несчастья». Принимает и он (св. Димитрий. — М. II.) участие в нуждах города, вызывая восхищение им во всей ойкумене, как в ненаселенных, так и в населенных частях, и пребывая в городе, привлекает к себе отовсюду представителей самых разных [людей]; он — спаситель города, примиритель горожан и защитник перед богом. И не только это — он определяет управление добрыми правителями, снижающими городу налоги; сам же он сражается с внешними врагами, внушая ужас осмеливающимся поднять оружие против города. Таким образом, можно сказать, что город служил всем примером благочестия.

4. Кто видел где-нибудь более многочисленный и прекрасный хор риторов философов и всех других, [преуспевающих] в науках? Именно здесь, в этом городе, составляют они то, что называют общей школой, и каждый из них здесь следует музам. Однако нельзя сказать такого, что если сейчас этой школе выпало первенствовать в искусствах, то при ее возникновении были лишь невежды. Нет, во все времена город был Геликоном, а побеждающие в области муз процветали здесь во все века, словно Геба, как говорят поэты. Можно сказать, что находящийся здесь словно бы проводит время в Афинах с Демосфеном и Платоном.

5. Но один этот день все сокрушил, лишил город венца [славы] и у всех вызвал подозрение к нему, ранее любимому, словно [обнаружились] подводные рифы. Откуда в мир проник раздор? Откуда пришел мятеж? Почему жители города, не уважая того, что полезно каждому, ссорясь, пожирали друг друга, кровью ближних запятнали родину, которая, как они благоразумно считали, должна быть для них выше, чем родители? Но они безумствовали и падали ниц перед правителями, не лучшими в отношении государственных дел, чем тираны. Земля [прежде] считалась нашей и возделывалась способными пахать. Но море было закрыто — и, таким образом, городам лишь в том случае можно было обладать им и немного передохнуть, если бы они отказались от своей свободы. Но те, которым следовало бы возмутиться, поскольку пределы их власти сократились, веселились, словно они увеличили свои состояния. И единственным лекарством от бед было обличать в несчастьях тех, кто принес жертву. Вряд ли кто среди происходящего предвидел, что процветавшее в городах зло искало того, кто позаботился бы о погибающих. И оно нашло человека, более мужественного, чем Геракл, более благоразумного, чем Пелей, более рассудительного, чем Фемистокл, подражающего в делах управления Киру. Однако он был суровым законодателем по отношению к тем, кто не осознал [значения] спокойствия, и те, кто считал это невыгодным для себя, были недовольны его властью. Вследствие этого акрополь был захвачен людьми, которые имели намерение поработить народ насилием. В это время к сыну императора, скромному, мягкому и благородному человеку, были посланы люди с просьбой о войске для того, чтобы удержать город, взъярившийся сам на себя, и для охраны их интересов, которые только он способен был спасти. Следовало тогда судьбе хотя бы ненадолго сохранить мир и не препятствовать воинам, несущим свободу. Тогда бы сейчас наш город вместо того, чтобы стенать, предавался бы празднеству. И пока наши граждане веселились бы, враги испытывали пришедшую беду. Это было бы справедливо по отношению к людям, и блага золотого века пришли бы к нам. Ныне же (о, как прихотливо поворачивает судьба наши благие пожелания!) граждане унижены, враги же вознесены. И прежде чем знамена показались перед воротами города, некий злой демон захватил все, что ему хотелось; и тогда простой народ, давно жаждавший крови, был поощрен дурными ораторами к злым действиям. И поистине он буше-

вал, как, по описанию Гомера, бушует море, взволнованное противоположными ветрами. С тех пор не было никакого закона, убивали даже первого встречного; через трупы добрались и до архонтов. Последние же, будучи разобщенными, предпочитали нападать на тех, кто им противостоял, и, в свою очередь, бороться с ними. Так возникла другая война, внутренняя, с тыла; и не было ничего иного, куда ни погляди. Затем подожгли ворота, и дым не давал войти внутрь находящимся снаружи, как будто те, которым спешили на помощь, были осаждены [огнем]. Те, кто находился внутри, открыли ворота человекоубийцам; они же устремились довершить полное разрушение города. Пока стратиот обнажал меч, случайно был схвачен тот, кто опытно управлял во многих делах многими людьми. Раб не признавал более своего господина и, справедливо почитавши его ранее, теперь требовал подвергнуть того наказанию. Имея оружие и богатства, рабы и бедняки стали господами; для владевших этим ранее они считали подходящей участь рабов и, связав их, подвергали заточению, не разрешая им пользоваться и лучами света. Они врываются в дома, и весь город был разграблен и превращен в пустыню. Плакавшего из-за этого нечестивцы зарезали. О город, вместо того чтобы быть единым — распавшийся на части, каждая из которых враждебна другим! О гражданственность, ненадежнее всякого моря! О граждане, более вероломные, чем варвары по природе! Они настоящие пираты на суше, даже, пожалуй, хуже их, ибо те лишь отбирали собственность, но не лишали жизни, а эти внезапно, словно подхваченные смерчем, доводили до состояния нищеты человека, способного на свои личные средства содержать войско. Неумеренность их в том, что, лишая собственности, они негодуют при мысли, что, оставшись живыми среди других людей, их жертвы припомнят им свои несчастья.

6. О поправное здравомыслие! О заблуждающееся безрассудство! Конечно, некоторые люди и тогда быстрее огня обратились к справедливым делам. Но никто не мог быть уверенным [в успехе] — ни принадлежавший к правящему роду, ни выполнявший большие и многочисленные государственные обязанности, ни умевший приноровиться ко всем. Словно смерть была предсказана многим, так дрожали от страха, считая, что они будут жертвой эриний. Одни не могли вынести даже вида этого, другие прятались под постелями соседей. Некоторые спускались в колодцы, другие же, припадая к алтарям, нигде не находили пристанища от страха. Были и такие, кто, не испытывая отвращения к ранее умершим, раскрыв гробы, прятались под трупами, уже гниющими, и не дышали, если кто-то проходил мимо; но даже они не могли избежать преследователей, оскверняющих могилы. Вопли в жилищах; и тот, кто вчера копал землю ради обила, сегодня обогащается, снеся до основания весь город. Даже пища стала роскошью для тех, кто утолял жажду водой родников. Грохот и пыль возвещают о рушащихся поодаль стенах, погребаящих под собой женщин и детей. Выжившим было еще труднее спастись, поскольку они видели, что спасение небезопасно, так как столкнулись с другим испытанием, когда от них потребовались богатства Креза. И куда бы ни бросалась девушка, избегавшая доселе глаз мужчин, она все равно погибала, обнаженная их кнутами. О безумие, позволяющее людям называться чистыми после того, на что они решились! О сколько было совершено, сколько к этому было добавлено!

7. По сравнению с прежними злодеяниями предстояли еще более нечестивые. И преобладанием ужасного предыдущие злодеяния затмеваются последующими. Какую большую месть можно найти столь выдающимся людям, чем темница или раны от удара кнутом или оковы, словно они преступники? Кто бы, увидев этих страдальцев, не был бы поражен до глубины души и потери рассудка и, будучи осторожным к поворотам судьбы, не оказал бы им помощь и не положил бы конец этому? Но даже этим не были удовлетворены преступники; им было недостаточно, пока они не присоединили к злодеяниям некую нечеловеческую трагедию. Они выводили раздетыми в [одних] нижних одеяниях тех, кто

ранее не раз сражался за свою свободу и свободу города, и тащили с веревками на шею, точно рабов. Здесь раб гонит своего господина, невольник — того, кто его купил, селянин — стратига, земледелец — стратиота. На того, кто много раз защищал родину на свои собственные средства обрушивали зло нищий и те, кто стал преступником вследствие [собственной] лени. Итак, их вели туда, где они должны были принять кровавые муки.

8. О город, в котором от подобных дел пляшут злобные духи! О стены, какие башни пристроили к вам из умирающих людей! О крепость, с которой часто [ранее] те бросали врагов; и от побед они пострадали более мучительно, чем от поражений! И вот они вели их на стены со связанными руками, как преступников. И переворачивалась душа, когда они видели приближающуюся кончину. Одни подгоняли тех, кто ослабел, другие вспоминали о деньгах. Некоторые же надеялись только на великодушие. И тогда они напоминали тащившим их то доброе, что было ими сделано; те же раздражались, когда им напоминали о хорошо обращавшихся с ними. Были тщательно обшарены дома, сточные канавы, подвалы, могилы — все, что могло быть укрытием. Тех, кого хватали, утаскивали прочь; другие же, видя это, бежали из города, ставшего вражеским, и сами бросались с [городских] стен наружу, выгадывая этим только то, что их не могли убить, как убивают преступников. Не было никакой возможности избежать смерти. Вопль и слезы повсюду — у тех, кого волокут, преследуют, топчут, хватают, режут.

9. С какой трагедией это можно сравнить, с какими бедствиями городов? Какие поэты смогут сочинить строки, соответствующие этим бедам? О все видящее солнце, видело ли ты прежде подобное? Почему же ты посылаешь лучи, когда все отвратительнее ночи? Как только они перерезали людей у башен, город разделил совершаемое зло: одни становились служителями жестокостей, другие наслаждались, будто при виде зрелищ. У одного была разбита голова, у другого сочился мозг. Разрывая живот они касались того, что велением бога не позволено видеть. У одного они повредили бедро, у другого сломали позвоночник, у третьего вытаскивали руками внутренности. Тот, кто падал сверху, прежде чем достигнуть земли, попадал на мечи и погибал; хуже было тем, кто еще не был сброшен, видеть такую смерть и по телам своих друзей представлять, что будет с ним самим после падения. Если же кто-то, упав, оставался полуживым и просил убийцу пощадить его, то получал смерть более медленную и более жестокую. Тех, кто был уже мертв, не замечали. Но против тех, кто еще дышал, подымалась каждая рука. Они убивали всех и различными способами. Для многих даже смерть не обеспечивала покоя их телам. Словно злясь на трупы, что они целы, убийцы делали их неузнаваемыми, чтобы после этого родственники не могли их найти. Тела бросались на тела, повсюду мозги и кровь, пепел и внутренности, камни, мясо и сухожилия, палки и куски тел.

10. О более палачи, чем граждане! О нечистые души! О более нечистые руки! Как не были они поражены, когда взяли в руки оружие против братьев и друзей, за которых они сами должны были умереть, сражаясь? Как падение первой жертвы не умерило их страсти? Как вторая жертва не потушила их гнева? Как не сломилась у них душа, когда они увидели третью и, напротив были даже рады ожесточиться против [человеческой] природы? О, как это следует назвать? Победой, которая суровой всякого зла? Сказкой будут считаться кадмова победа, лемноские злодеяния, все преступления, бывшие до этого дня. О те, для которых родина одновременно и могила! О те, кого подхватывает и поглощает, словно волной в бурю! О родина, искажившая даже имена тех, на кого она поднялась более вероломно, чем Сцилла! О кровь граждан, так несправедливо пролитая на родной земле! О город, более горький, чем весь Стикс! О, как казалось, что город наказывал других, а между тем он сам себя приговорил к тому, что произошло, и сам страдал от действий безумцев, которые терзали самих себя, думая, что терзают других! Когда пал воин, не стало

никого, кто был бы способен отразить врагов; уже не будет того, кто мог бы посоветовать, что делать. Теперь враги продвинутся вперед; те же, кто в городе дерзает против подобных себе, содрогнутся, увидев войско, сверкающее перед воротами. И когда оно нападет, те не выдержат и город будет принадлежать победителям. И тогда поймут, что сами страдают от того, что сделали другим. Это заметят все, как видят непривычные звезды, сияющие днем, словно факелы, и как замечают сотрясение земли. О всеобщее крушение! Я же теперь почитаю и удары молнии, и ураганы, и расщелины в земле, и болезни, которые хотя и делают смерть более приятной, но погубят этих нечестивцев.

11. О убитые! О убиваемые! О те, кого убьют! О оставшиеся в живых! Я считаю, что положение последних не лучше, чем тех, кто ушел из жизни, ибо им остались лишь мучения. Они отовсюду услышат хулу и, словно пораженные проклятьем, будут изгнаны; когда будут искать сочувствия, услышат брань человекоубийц и будут вынуждены скрывать, откуда они. О город, ранее умножавший честь горожан, а теперь окружающий все долгим позором! Что мы ответим порицающим тебя? То ли молчать, поскольку родина так постыдно оскорблена; то ли рьяно защищать обнаружившиеся в нем дела? Почитатели мудрости будут ненавидеть дикость и бросят это в лицо граждан. А те, кто хорошо знает свои собственные злодеяния, будут молчать перед судом. И все будут бежать прочь от этого города, словно есть опасность заболеть в этих краях. Самые отвратительные из всех людей, прекрасно же вы отплатили родине за воспитание — по справедливости вы должны ей больше, чем своим родителям. Город даже не имеет имени из-за того, на что вы осмелились. О чума среди нас! О событие, поднявшее друг против друга людей, живших вместе! Теперь нам следует лишь просить бога, чтобы он распростер свою руку и снова населил город. Теперь нам следует лишь ждать того, кто заполнит эти опустошения. Что же касается людей, то они его разрушили, они же и убегут из него с ненавистью.